
ТЕОРИЯ

Л. Е. ГРИНИН

СОВРЕМЕННЫЙ КРИЗИС: НОВЫЕ ЧЕРТЫ И КЛАССИКА ЖАНРА

В настоящей статье сделана попытка показать, в чем современный кризис похож на целый ряд ему предшествующих циклических кризисов перепроизводства и какие принципиально новые черты в нем уже можно увидеть.

1. Биржевые и экономические кризисы: история и современность

Денежные кризисы имеют уже весьма солидную историю. Первые из них были связаны с попыткой заменить более дорогой металл дешевым. В исторической хронике зафиксированы случаи замены золота, серебра и меди железом. В частности, согласно Плутарху, знаменитый законодатель Спарты Ликург, борясь с возможностью разложения нравов, запретил иметь иные деньги, кроме железных (Ликург IX). Такая мера привела к деградации и без того неразвитого рыночного хозяйства Спарты. Более прозаическими были причины попыток замены медных денег железными в Китае в VI в. н. э. Они были вызваны элементарной нехваткой меди, которую привозили из Японии и Кореи. В результате подделки железных денег и их обесценивания началась «железоденежная» инфляция (Далин 1983: 14–15). Однако нехватка меди в дальнейшем способствовала в Китае переходу не только к примитивным железным, но и к первым в мире бумажным деньгам, сначала в виде особых соляных квитанций, а затем в XI в. и в виде государственных денежных знаков в подлинном смысле слова (Там же: 16). Но с самого своего появления бумажные деньги стали источником инфляции и денежных кризисов (Там же).

Замена меди железом, конечно, редкое явление в истории. Более известными были попытки заменить серебро медью. Это уже вызвало настоящую полноценную инфляцию со всеми вытекающими последствиями. Россиянам более всего известен Медный бунт, однако случаи «медноденежной» инфляции зафиксированы также в императорском Риме, особенно масштабные при Диоклетиане (Далин 1983: 11–12). Но наиболее частой причиной денежных трудностей и кризисов в самых разных странах была порча серебряной и реже – золотой монеты.

Первым биржевым кризисом, по некоторым данным, был кризис на антверпенской бирже в XVI в., вызванный отказом испанского короля Филиппа II и французского короля Генриха II в 1557–1558 гг. платить долги (см.: Ханин 1975: 311). Тогда в Антверпене пресекался кругооборот серебра, который поддерживал рынок (Бродель 1986, т. 2: 151). Антверпен в XVI в. становится центром мирового финансового рынка¹. В этом городе открылась в 1531 г. фондовая биржа (по некоторым данным, даже в 1460 г.), ставшая курсообразующим учреждением. Регулятором в ней был обменный курс основных европейских монетных единиц (Чистозвонов 1993: 62). Второе банкротство испанского короля Филиппа II в 1575 г. окончательно подорвало значение Антверпена как центра мирового кредита. И эта роль позже перешла к фондовой бирже Амстердама и Амстердамскому банку (Там же: 62–63).

Задолго до начала промышленного переворота стали известны биржевые кризисы «мыльных пузырей» (см.: Ханин 1975: 311), включая знаменитую аферу банка Джона Ло во Франции, выпустившего акций и банкнот на фантастическую сумму – 3 млрд ливров (см., например: Далин 1983: 24–25). Таким образом, биржевые «пузыри» имеют давнюю историю, как и мошенничества на бирже.

Первым экономическим кризисом считается кризис 1825 г. в Англии, который также частично затронул экономику США и Франции. Первым этот кризис считается потому, что он впервые охватил

¹ О том, какие финансовые технологии (широкое введение обязательственных расписок, то есть векселей, их учет, взаимное погашение и т. п.) применялись антверпенскими купцами, см. подробно: Бродель 1986, т. 2: 153–155.

большинство отраслей промышленности. До этого кризисы, как правило, протекали в отдельных отраслях². Следующий значительный кризис случился в 1837 г. Кризис 1847 г., усиленный неурожаями, охватил уже многие страны Европы. Первым мировым экономическим считается кризис 1857 г., который оказал влияние даже на Россию. Следующий мировой кризис датируется 1873 г., и он был наиболее длительным из всех предшествующих. Новый кризис произошел в 1882 г., но он коснулся главным образом США и Франции, а следующий – 1890–1893 гг. – затронул также Германию и Россию. Оба этих кризиса шли на фоне затяжного аграрного кризиса, когда цены на сельхозпродукцию в течение почти двадцати лет были низкими (что очень болезненно отразилось на сельском хозяйстве России)³. Мировой экономический кризис 1900–1903 гг. протекал уже в условиях начавшегося процесса роста значения в экономике крупных монополий. Он, как известно, усилил революционные настроения в нашей стране. До Великой депрессии 1929–1933 гг. следует также указать кризис 1907 г. и послевоенный быстро закончившийся кризис 1920 г. После Великой депрессии до Второй мировой войны следует упомянуть кризис 1937 г., последовавший за достаточно быстрым послекризисным восстановлением экономики в США. После Второй мировой войны кризисы не имели уже столь тяжелых последствий. Тем не менее, следует упомянуть кризис 1948–1949 гг., который был связан также с массовой девальвацией валют, включая английский фунт стерлингов (Аникин 1963: 7); 1957–1958 гг., усиленный мировым торговым кризисом; 1970–1971 гг., усугубленный валютно-финансовым кризисом и девальвацией доллара (см., в частности: Гречихин 1980). Наиболее сильным оказался кризис 1974–1975 гг. (падение производства в развитых странах составило почти 11 %), сильно осложненный

² Например, в конце XVIII – начале XIX в. молодая хлопчатобумажная отрасль в Англии испытала не менее шести кризисов, но каждый раз выходила из них более мощной за счет важнейших технических инноваций (см.: Мендельсон 1959, т. 1, гл. VII). В то же время ее «старшая сестра», шерстяная промышленность, развивалась по собственной траектории.

³ Важнейшими причинами аграрного кризиса считаются: резкое удешевление доставки зерна и другой продукции из США, Канады, Индии, что совпало с быстрым освоением земель Запада в США; рост экспорта хлеба из России, облегченный активным строительством вывозных железных дорог в России в этот период.

быстрым ростом цен на нефть в 1972–1974 гг. – в пять раз. Это дополнительно способствовало тому, что впервые в истории кризисов спад производства шел не с падением цен (дефляцией), а с их подъемом (инфляцией). В конце 1970-х – начале 1980-х гг. кризисные явления наблюдались также в США, в некоторых странах Европы и мира (см., например: Аникин и др. 1982: 191–192). С этого времени казалось, что мировая промышленность, усиленная «локомотивами» Китая, стран АСЕАН, позже Индии и ряда других государств, развивалась хотя и с колебаниями, но почти без кризисов. Зато экономика бывшего СССР, Восточной Европы, Японии испытывала в период с конца 1980-х – начала 1990-х гг. глубокие и системные проблемы.

Однако последняя четверть XX и начало XXI в. характеризовались учащением финансовых кризисов. При этом в развивающихся странах они случались чаще, чем в развитых. Так, в 90-е гг. XX в. валютные кризисы произошли более чем в 60 странах, две трети из которых были странами с развивающимися рынками (Ломакин 2005: 175; см. также: Кобяков, Хазин 2003). Но в начале нового века очень сильные потрясения произошли именно в США. Особенно стоит упомянуть кризис акций ценных бумаг новых компаний (прежде всего связанных с интернет-технологиями), так называемые «dot-com bubble» или «I. T. Bubble», то есть финансовый «пузырь» интернет-компаний 2000–2001 гг. (см. подробнее: Кобяков, Хазин 2003). В ходе этого кризиса сгорели триллионы долларов (от 8 до 15 по разным данным, см., например: Доронин 2003: 124; Кобяков, Хазин 2003), однако масштабного экономического кризиса за ним не последовало.

Учащению финансовых кризисов в последней четверти прошлого века и в начале нынешнего, вероятно, сильно способствовало совершение так называемой финансовой революции, начавшейся после кризиса 1974–1975 гг. и завершившейся в некоторых финансовых сферах в начале 1990-х гг. (подробнее о финансовой революции см.: Доронин 2003: 110–114). Общие направления этой «революции» заключались в отказе государств от прямого контроля над банками, в том числе их процентной и кредитной политикой; либерализации банковского регулирования, в частности отмены запретов на открытие банками отдельных видов счетов, на со-

вмещение ими различных видов деятельности (операции с недвижимостью, страховой и инвестиционный бизнес) и целом ряде других ограничений. Это привело к тому, что специализированные банки стали терять свои позиции, в то время как возросла роль универсальных банков, совмещающих кредитные и биржевые функции, в частности работающих на рынках ценных бумаг, а также обслуживающих валютные и другие операции. Замечу, что такая универсализация помимо плюсов имела и много минусов, в частности повышение доли рискованных операций в активах банков и уменьшение профессионализма менеджеров (что неизбежно при универсальности). Произошла либерализация для иностранных эмитентов национальных режимов в отношении движения долгосрочных капиталов на национальные рынки капиталов. К середине 1990-х гг. практически все ограничения в области движения капиталов были сняты. Рост объемов передвижения капитала был фантастическим. Если в 1979 г., по данным Банка международных расчетов, объем операций на мировом рынке капиталов составил около 80 млрд долларов, то через 10 лет, в 1989 г., он был уже в 9 раз больше – примерно 718 млрд долларов, а еще через 10 лет, в 1999 г., еще более чем удвоился, достигнув 1,5 трлн долларов (Доронин 2003: 114). Нет ничего удивительного, что это привело к резкому повышению зависимости национальных рынков от международного капитала в частности, что и выразилось в ряде кризисов. Центральные банки многих стран были выведены из подчинения правительства и стали независимыми институтами.

В результате этих изменений произошли очень серьезные структурные и экономические изменения, в частности резко выросла роль фондового рынка, а банки стали утрачивать свою роль главных финансовых посредников (о других последствиях будет сказано ниже). В целом такие изменения способствовали резкому ускорению финансовой и экономической глобализации, подъему экономик во многих странах. Однако этот подъем во многом был обеспечен спекулятивным ростом фондов. Всего за 10 лет (с 1990 г. по март 2000 г.) капитализация мирового фондового рынка выросла почти в четыре раза – с 9,3 трлн долларов до 35 трлн долларов (Там же: 121). Но вышеуказанные изменения в финансовой сфере также

вызывали нарастание кризисных явлений во многих странах и во всем мире. Процветание оказалось невечным и непрочным.

2. Современный кризис: начало. Некоторые причины и сравнения

Биржевые кризисы, связанные с обвалом биржевых курсов, обесцениванием акций и других ценных бумаг, часто ведущие к банкротству крупнейших финансовых учреждений, равно как финансовые, валютные и иные кризисы, необязательно влекут за собой заметный экономический спад. С другой стороны, циклические экономические кризисы, история которых насчитывает уже более 180 лет, показывают, что биржевые кризисы очень часто предшествуют им и являются частью экономических кризисов. В этом отношении современный мировой кризис не стал исключением. Напомним события.

В конце 2007 г. в США у значительного числа граждан возникли проблемы с выплатами фиксированных процентов по ипотечным кредитам, что было связано (помимо нарастания общих трудностей в экономике США) с ростом цен на энергоносители, сырье и продовольствие. Доходы населения перестали успевать за ростом цен. Дома стали дешеветь (чего не случалось уже много десятилетий), спрос на них падал, банки не могли покрыть убытки от невыплаты кредитов и падения цен. К началу июня 2008 г. почти четыре миллиона домов, общая стоимость которых превышала триллион долларов, оказались непроданными (см., например: Портной 2008). Ипотечный рынок в США огромен, он был равен 12 трлн долларов, из которых две ведущие федеральные финансовые корпорации «Fannie Mae» и «Freddie Mac» владели почти половиной ипотечного рынка США⁴. Когда они оказались на грани банкротства, правительство в начале сентября 2008 г. вынуждено было национализировать оба банка.

Возможно, если бы американское правительство помогло и следующему «заболевшему» финансовому гиганту – банку «Lehman Brothers», учреждению со 150-летней историей, кризис начался бы

⁴ Обе были созданы правительством США, первая – в 1938 г., вторая – в 1970 г., именно для кредитования покупок домов семьями с низкими доходами. К 2008 г. эти корпорации были акционерными (Медведев Р., Медведев Ж. 2009).

не так внезапно, а ущерба на первых порах было бы меньше. Однако помогать всем еще были не готовы. Частный банк «Lehman Brothers» с общими активами около 300 млрд долларов стал крупнейшим в истории США банкротом. После этого началось резкое падение биржевых котировок. Напуганное правительство, стремясь предотвратить полный обвал биржевых индексов и панику, решилось на фактическую национализацию оказавшейся на грани банкротства гигантской страховой корпорации «American International Group» (AIG), самой большой в мире в области страхования финансовых рисков. А в ноябре правительством был спасен самый крупный в США банк «Citigroup», который имел отделения в 107 странах и контролировал фонды в 2,2 трлн долларов (Медведев Р., Медведев Ж. 2009). Без сомнения, эти и другие действия (в частности, фактическая национализация других инвестиционных банков на Уолл-стрит) предотвратили тяжелейшие последствия, однако остановить кризис уже не могли. Он захватывал все новые и новые страны, биржевые вихри сметали курсы, корпорации, валюты и делали целые страны банкротами. А вскоре начались замедление экономического роста, падение уровня производства (в США за четвертый квартал 2008 г., например, более чем на 6%), массовые увольнения, закрытие промышленных предприятий. Финансовый кризис перерос в экономический, и он продолжает разрастаться. Похоже, что по экономическим показателям не только отдельные страны, но и весь мир окажется отброшенным на несколько лет назад⁵. В период Великой депрессии ВВП некоторых стран также оказался ниже довоенного 1913 г.

В любых экономических кризисах есть некие общие системно-структурные свойства, связанные с нарушением оптимальных пропорций между компонентами системы. Но у современного кризиса и кризисов прошлого, особенно Великой депрессии, есть немало и других, иногда поразительных совпадений. Один из наиболее показательных моментов, обнажающих нерв таких катаклизмов, заключается в том, что первичной причиной кризиса 1929 г. послужил стремительный рост биржевых спекуляций на Нью-Йоркской

⁵ Во всяком случае, Мировой банк и МВФ уже несколько раз меняли прогнозы развития, и каждый был хуже предыдущего. По прогнозам МВФ начала 2009 г., рост мировой экономики в 2009 г. составит всего 0,5 %.

и других биржах, весьма напоминающий современные финансовые «пузыри». А поскольку глобализация началась довольно давно и кризис 1920–1930-х гг. тоже был глобальным⁶, то обвал в Нью-Йорке отозвался по всему миру. Подобные сходства дают солидные основания для того, чтобы пытаться понять, почему начался нынешний кризис и каковы будут его последствия. Многие из этих предположений в большей или меньшей степени правдоподобны, в частности, что он порожден циклическим характером экономических процессов. Высказываются, например, достаточно обоснованные мнения, что на 2008 г. попали «кризисные» фазы более короткого 7–11-летнего так называемого цикла Жюгляра, связанного с колебаниями цен и кредитных ставок, и более длинного 45–60-летнего экономического цикла Кондратьева⁷. Этот цикл связан с фазами соответственно разработки и внедрения инноваций (то есть на фазе нисходящей возникают новые идеи, а их внедрение и коммерциализация создают условия для фазы подъема)⁸. Цикличность экономики – явление вполне понятное: ни подъем, ни рецессия не могут идти вечно. Однако почему в течение послевоенного времени цикличность не вела к столь серьезным последствиям? Действительно, в течение десятков лет правительствам и экономистам удавалось все более изощренными и тонкими мерами смягчать последствия кризисов, стимулируя экономический рост в тех или иных сферах. Лауреаты Нобелевских премий по экономике совершенствовали и пропагандировали все более сложные и более доходные финансовые инструменты (в частности, печально известные теперь деривативы).

Почему же нынешний кризис становится самым масштабным с 30-х гг. прошлого века? Ответ заключается в том, что способы, которыми до сих пор удавалось избегать потрясений такого масшта-

⁶ Он затронул почти все промышленные страны (за исключением СССР) и даже многие аграрные государства, втянутые в мировой рынок. Но стоит учитывать, что в этот период многие регионы были еще очень отсталыми и находились вне мирового хозяйства, поэтому влияние кризиса на них оказалось не столь заметным или вовсе слабым.

⁷ Эти идеи высказывались, в частности, в исследованиях группы, которая работает в рамках подпрограммы Президиума РАН «Системный анализ и математическое моделирование мировой динамики» (руководитель – В. А. Садовничий, координаторы – А. А. Акаев, А. В. Коротаев, Г. Г. Малинецкий).

⁸ В то же время очевидно, что кризис порожден действием и гораздо более длительных производственных циклов (см. о них подробнее: Гринин 2007б; Grinin 2007).

ба, больше не работают так эффективно, как раньше. Но почему? Экономисты утратили квалификацию, или появились новые факторы, на которые прежние меры не действуют? Думается, что, с одной стороны, слишком велика была уверенность, что с помощью правильных мер вроде регулирования кредитных ставок можно купировать негативные последствия⁹. Возможно, поэтому кризисным последствиям конца 2007 г. не придали того значения, которого они заслуживали, как ранее не сделали должных выводов из уроков кризисов 1995–2001 гг., которые обрушивались на периферийные страны (Мексику, восточно-азиатские, Россию, Бразилию, Аргентину и др.) и выступали как предвестники более масштабных потрясений. Ведь это были кризисы в странах с плохим управлением (см., например: Кальвокоресси 2003: 89; см. о некоторых из этих кризисов также: Бобровников и др. 2002), недостаточной развитостью демократии, слабостью экономики и экономической науки; в странах, где не достигли такого искусства манипулировать экономикой.

С другой стороны, в составляющих причинах современного кризиса проявились новые черты. Одно из отличий сегодняшнего кризиса от его предшественника 80-летней давности заключается в большей «дружности» его протекания в разных странах (кризис 1929–1933 гг. не сразу затронул некоторые страны, например, Англию и Францию)¹⁰, а другое – в том, что мало стран, тем более значительных, не пострадают от него. Между тем нелишним будет отметить, что именно в годы мирового кризиса СССР совершал индустриализацию и демонстрировал громадные темпы роста. Фактически мировой кризис 20–30-х гг. XX в. не просто обозначил возможность принципиально разных экономических моделей развития, но государственная модель получила как будто даже преимущество перед либерально-рыночной, что выражалось в экономических и политических успехах СССР, Германии, Италии и Японии. Также показательна сегодняшняя активность правительств и быстрота проведения международных совещаний. Вспомним так-

⁹ А вместе с этим и масштабы спекуляций росли как на дрожжах.

¹⁰ Хотя, конечно, если отсчитывать начало кризиса с момента возникновения ипотечных проблем в конце 2007 г. в США, то времени на переход кризиса в острую фазу прошло не так мало.

же, насколько непохоже вели себя разные страны в этот период, выбираясь из кризиса совершенно разными способами. Резко усилился протекционизм, повышены или введены таможенные пошлины¹¹. В результате, по данным Лиги Наций, объем мировой торговли с 1929 по 1933 г. сократился в три раза (Неру 1977: 318–319)¹². Именно в период кризиса или под его воздействием начинается активная подготовка к войне или прямая агрессия (так, в частности, действовала Япония на Дальнем Востоке в отношении Китая в 1931 г.), а Германия и та же Япония выходят в 1933 г. из Лиги Наций, показывая, что они не намерены считаться с мнением мирового сообщества.

Одно из заметных отличий современного экономического развития от предкризисных 1920-х гг. в том, что тогда основной экономический рост шел в небольшой группе передовых стран, а недавний подъем в мировой экономике опирался на рост в большом количестве развивающихся стран и стран среднего уровня, включая наиболее населенные страны мира – Китай и Индию. Неслучайно сегодняшний прогноз на 2009 г. для развитых стран предрекает спад, а для многих развивающихся – только замедление роста (хотя вполне вероятно, что этот рост будет почти символическим). Нельзя не отметить, что такого масштаба кризисы ведут к существенным или даже коренным изменениям в геополитической картине мира, что и наблюдалось в результате Великой депрессии, когда тоталитарные страны начали резко усиливать свои позиции, а демократические – ослабили их. Поэтому можно безошибочно предсказать, что те или иные изменения геополитической ситуации в результате сегодняшнего кризиса произойдут, хотя они, по-видимому, будут пока не столь резкими, как в 1930-е гг. Еще одно любопытное отличие: вынужденная национализация крупнейших банков и финансовых учреждений, примеры которой мы видели выше, во многих стра-

¹¹ Процесс отгораживания таможенными пошлинами начался во многих странах, особенно в Центральной Европе, задолго до кризиса (см., например: Травин, Маргания 2004, т. 2: 39–41), а в годы кризиса только усилился, к нему добавилось также усиление валютного законодательства (Там же).

¹² Неудивительно, что сегодня раздаются призывы к тому, чтобы не впасть в протекционизм. Отмечу, что многие уроки того кризиса выучены, проблема, однако, в том, что каждый кризис, как каждая война, революция, реформа, в любой стране имеет собственные особенности, а современный кризис – тем более.

нах, еще вчера придерживающихся идей либеральной экономики. О других особенностях современного кризиса будет сказано ниже.

3. Перекосы глобализации, масштабы спекулятивного капитала и их роль в кризисе

Хотя причин современного кризиса множество и все они в той или иной степени заслуживают самого пристального внимания, необходимо констатировать: появились какие-то новые фундаментальные причины. И эти новые причины, несомненно, лежат в росте глобализации, в процветании за счет развития глобальных процессов в мировой экономике большого числа государств и целых регионов, в успехах, которые сделали в последнее время многие страны, в том числе развивающиеся и среднеразвитые, хотя выгоды эти распределялись очень неравномерно. Иными словами, кризис – это оборотная сторона или, образно говоря, нежеланное дитя глобализации (см. также: Гринин 2008б). Рассмотрим теперь некоторые моменты, позволяющие говорить о том, что именно процессы глобализации определяют специфику современного кризиса.

Все согласны с тем, что небывалые по масштабам финансовые пирамиды, спекуляции, «пузыри», «финансовая пена» (по образному выражению одного комментатора) создали очень неустойчивую ситуацию в экономике США и многих других стран, а это так или иначе действует на положение в остальном мире. Однако спекуляции и «пузыри» почти всегда имели место в период процветания (см., например: Мендельсон 1959). Более важно отметить, что спекулятивная вакханалия последних двух десятилетий опиралась на появление новых (или хотя известных и раньше, но до недавнего времени использовавшихся в ограниченных масштабах) финансовых технологий, новых финансовых продуктов и совершенствование технологий торговли финансовыми инструментами. Тут следует понимать, что между изобретением и глобальным эффектом применения финансовых технологий (инструментов, продуктов) проходит иногда довольно большой срок (так же, как и между изобретением и широким внедрением промышленных или бытовых технологий, продуктов). В качестве иллюстрации можно привести следующий пример. Развитие рынка еврооблигаций долгое время тормозилось из-за отсутствия эффективного вторичного рынка.

Эмиссия облигаций в бумажной форме затрудняла их обращение и денежные расчеты. Прорывом в формировании вторичного рынка было создание американским «Морган Гаранти Траст К^о» системы «евроклир». Суть ее состояла в создании системы депозитариев в разных странах для хранения ценных бумаг, а владельцам ценных бумаг выдавались свидетельства о вкладе и владении ими. В результате операции по купле-продаже еврооблигаций перестали требовать физического перемещения бумаг, а сводились лишь к передаче сертификатов; смена собственников бумаг отражалась в записях по депонентским счетам депозитариев. Создание системы «евроклир» в 1968 г. стало революцией на рынке облигаций. Однако масштабные последствия такой революции проявились далеко не сразу. В 1975 г. объем операций на рынке еврооблигаций составлял 10 млрд долларов, в 1984 г. – 82 млрд, а в 1997 г. – 570 млрд (Доронин 2003: 107). Таким образом, только через 30 лет эффект внедрения новой финансовой технологии проявился на рынке еврооблигаций в крупном масштабе (хотя, конечно, депозитарные расписки очень широко применяются на самых разных финансовых площадках). Соответственно масштабы некоторых нововведений последнего десятилетия могут оказаться в дальнейшем еще более крупными, чем они выглядят сегодня.

В любом случае эти уже широко внедренные или только внедряемые финансовые технологии основаны на возросших возможностях концентрации капиталов и управления чужими средствами путем получения прав на покупку/продажу гигантских активов за 2–3 % их стоимости; на многоуровневых перестрахованиях рисков; на ускоренной, почти конвейерной выдаче кредитов и усиливающейся деперсонификации капиталов, вращающихся на международных рынках, и т. д. (о некоторых из таких способов более подробно будет сказано далее)¹³. Все эти технологии оказались гигантски усиленными информационно-компьютерными инновациями, что позволило, в частности, применять компьютерные программы для расчета игры на бирже и участвовать в торгах в режиме реального времени, находясь в любом месте мира¹⁴. Такой симбиоз при-

¹³ Под финансовой деятельностью я имею в виду сложный симбиоз биржевых, банковских, кредитных, страховых и других видов бизнеса.

¹⁴ Толчком для бурного развития компьютерных технологий на биржах иногда считают июль 1967 г., когда США пережили кризис на фондовой бирже, который был назван «бу-

дал финансовым операциям невиданный масштаб, в результате чего фактически произошел или усилился отрыв этих финансовых технологий от реального сектора¹⁵.

Констатация такого отрыва, на мой взгляд, является принципиально важным моментом. Современные финансовые корпорации стали поистине гигантскими, в некоторых из них работают по всему миру десятки и даже сотни тысяч высококвалифицированных финансистов, что представляет собой совершенно новое явление, подобное возникновению гигантских монополий в конце XIX и начале XX в. Например, в уже упоминавшихся выше крупнейшем банке «Citigroup» работали 358 тыс. сотрудников, а в банке «Lehman Brothers» – около 30 тыс. (Медведев Р., Медведев Ж. 2009). Росту этих громадных финансовых корпораций способствовало появление новых финансовых технологий и увеличение объемов спекулятивного капитала. Именно финансовый сектор стал своего рода авангардом экономической глобализации, одновременно и стимулируя подъемы в местах, куда он перетекает, и вызывая кризисы в слабых национальных экономиках при его резких оттоках.

Тесная связь национальных экономик между собой приводит к очень быстрому и во многом неуправляемому реагированию на локальные кризисы в разных местах планеты. Это подтверждали финансовые кризисы последнего десятилетия в разных странах и в еще большей степени – современный кризис. Одна из главных причин такой неустойчивости коренится в том, что политические институты отстают от экономики, которая давно переросла национальные рамки и требует наднационального планирования, каких-то форм совместного контроля над источниками колебаний финансовых и иных рынков. Таким образом, экономическая глобализация намного опережает развитие международного права и политическую глобализацию (в частности, США не желают никаких международных ограничений для себя, в то время как их воздействие на остальной

мажным», так как технология обработки информации осуществлялась на бумажных носителях и биржа перестала справляться с нарастающим объемом сделок (см., в частности: Дорнин 2003: 109).

¹⁵ Торговля последние десятилетия также развивалась гораздо быстрее, чем реальный сектор, значение которого в целом сокращается.

мир и его экономику поистине колоссально, а мировые политические органы стали бессильными). Во многом это естественный ход событий, но такой «двойной отрыв» – финансовых технологий от реального сектора и экономической глобализации от правовых и политических ее аспектов – неизбежно должен вести к тем или иным кризисам, которые только и могут заставить ведущих политических акторов изменить позиции и начать искать новые инструменты регулирования и решения общих проблем.

Финансовые рынки непредсказуемы и нестабильны, поэтому они будут вновь и вновь вызывать кризисы, если не удастся выработать совместные правила, если не взять под контроль мировой спекулятивный капитал. Как в свое время была поставлена под более строгий контроль частная собственность, так теперь надо поставить под более жесткие правила регулирования эти гигантские финансовые потоки. Сам факт созыва «двадцатки» наиболее значимых стран в ноябре 2008 г. в этом плане очень показателен, хотя пока еще конкретных результатов мало (но, по крайней мере, сама форма взаимодействия уже как будто складывается). Прошедшая вслед за этой встречей Конференция стран АТР была интересна некоторыми заявлениями, включая и предложения о реформировании МВФ и МБ, которые фактически зависят от США.

В связи с тем, что все очевиднее становится необходимость глобального регулирования финансовых и иных агентов, необходимо отметить, что в результате этого содержание национального суверенитета, по-видимому, будет трансформироваться и далее (см. подробнее: Гринин 2008а). В чем-то суверенность усиливается, так как именно в период кризиса растет роль государства (и даже те, кто его хоронил, требуют теперь его помощи). От силы государства, способностей его руководства теперь во многом зависит судьба национальных экономик. Но, с другой стороны, именно мировой кризис более ясно обозначил пределы суверенитета: вашингтонская встреча в ноябре 2008 г. и лондонская в апреле 2009 г. показали, что даже США не могут более действовать без реальной поддержки других стран. Подобно тому, как в трудные времена король созывал представителей, не решаясь сам принять непопулярные меры или просто не зная, что делать, так и сегодня США согласились встречаться с теми, с кем они ранее и не думали советоваться. Если

раньше их непродуманные действия во внешнеполитической деятельности вынужденно терпелись, то теперь, когда из-за краха американских корпораций оказались затронутыми самые чувствительные области жизни многих государств, политика США часто вызывает раздражение и противодействие (с другой стороны, новая администрация Обамы начинает пересматривать внешнеполитические и внешнеэкономические подходы). Таким образом, начались более активный процесс отказа от однополярной модели мира и движение к новому геополитическому раскладу, которые неизбежно должны сопровождаться поиском новых форм надгосударственного экономического регулирования (хотя это противоречивый и, по-видимому, не столь быстрый процесс).

Постоянно растущие масштабы спекулятивных капиталов, их возможность вызывать финансовые кризисы в самых разных местах планеты в очень короткое время уже много лет тревожат наиболее трезвомыслящих экономистов, которые справедливо считают, что нельзя позволять спекулятивному капиталу и колебаниям валютных курсов определять судьбу реальной экономики (см., например: Капра 2004: 167). Подобное влияние спекулятивного капитала вполне объяснимо. Например, в мире насчитывается несколько тысяч так называемых хедж-фондов, которые выработали весьма хитроумные технологии рискованных финансовых операций, чтобы минимизировать или компенсировать возможные потери. Главное направление их действий – рискованные (но высокодоходные) спекулятивные операции на различных фондах, биржах и рынках. Опасность непредсказуемого и негативного влияния этих фондов на общую ситуацию резко усиливается тем, что они размещают свои паи путем закрытой подписки, а круг их клиентов ограничивается состоятельными лицами и финансовыми институтами, что освобождает эти фонды от большей части требований о раскрытии информации и регуляторных ограничений, распространяющихся на деятельность взаимных фондов и банков (Хедж-фонды... 2007).

По оценке МВФ, на начало XXI в. только 5–6 крупнейших таких фондов могли мобилизовать на некоторый срок до 1 трлн долларов (Ломакин 2005: 175; Мазурова 2000: 26), начать атаку на отдельные национальные валюты и даже обвалить их. К началу современного кризиса возможности таких фондов существенно воз-

росли. Тут, впрочем, нет ничего удивительного. Собственные капиталы таких фондов могут быть очень малы, но благодаря кредитам и новым финансовым технологиям они способны аккумулировать гигантские суммы. Общий объем индустрии хедж-фондов оценивается в 1,7 трлн долларов (Лаврентьев 2008). Однако более важно, что хотя капитал хедж-фондов бледнеет при сопоставлении с объемом капитала других институциональных инвесторов, который превышает 20 трлн долларов только в развитых странах (Хедж-фонды... 2007), баснословные прибыли этих спекулятивных финансовых организаций втягивали в гонку рискованных операций все новые и новые солидные финансовые организации, включая крупнейшие банки и страховые компании.

Одна из самых серьезных угроз для международной финансовой стабильности, считают А. Кобяков и М. Хазин, исходит от рынка так называемых производных ценных бумаг. Если традиционные ценные бумаги (акции и облигации) часто называют бумажным, или фиктивным, капиталом, то производные ценные бумаги (деривативы) представляют собой фиктивный капитал второго порядка. Их стоимость, а также возможность получения с их помощью дохода непосредственно зависят от движения цен на другие финансовые инструменты или товарные активы. Оценки общего размера мирового рынка деривативов имеют в большой степени приблизительный характер и колебались уже в начале века в интервале 85–125 трлн долларов (по номинальной стоимости базовых активов).

На сырьевых рынках цены также уже давно определяются не путем баланса спроса и предложения, а ценами на фьючерсы (обязательства на будущие поставки, продажи и т. п.), торгуемое количество которых во много раз превосходит общее количество ресурсов во всем мире. Таким образом, не приходится удивляться гигантским колебаниям цен на нефть и другие ресурсы, поскольку они давно оторвались от реальной ситуации.

Биржевые активы всегда, по сути, являются титулом (правом, выражением) стоимости значительной части национальных и мировых богатств, поэтому суммы, вращающиеся на биржах, в финансовых учреждениях, во много раз больше ежегодного валового дохода. Опасность проистекает из того, что, во-первых, цена ценных бумаг очень часто отрывается от реалий; во-вторых, такие

суммы начинают вращаться со все большей скоростью; в-третьих, на эти первичные титулы собственности (акции, облигации, кредиты и пр.) производятся вторичные, третичные и последующих степеней ценные обязательства, в результате чего общая стоимость вращающихся активов становится совершенно несоизмеримой с реальным богатством и производством¹⁶. При этом реальные платежи и риски финансовых игроков составляют ничтожную часть от суммы активов, на которые они могут влиять с помощью новых финансовых технологий. В результате ценность активов зависит от множества колебаний в целом не столь важных и часто не относящихся к делу причин, а экономический фундамент общества становится весьма неустойчивым.

Сказанное укрепляет в уверенности, что без должной меры регулирования, без развития правовой базы, в надежде только на то, что рынок все отрегулирует сам, весь мир по-прежнему будет оставаться заложником торопливости, жадности, неправомерных действий, эгоизма и элементарных ошибок сравнительно небольшой группы спекулянтов и финансистов. Необходимый как важный элемент экономики, этот бизнес, становясь главным и неуправляемым, способен ввергнуть мир в хаос.

Как уже сказано, одна из главных причин неустойчивости и неуправляемости финансовых рынков коренится в том, что политические институты отстают от экономики, которая давно переросла национальные рамки и требует наднационального планирования (Ван дер Вее 1994: 374), каких-то форм совместного контроля над источниками колебаний финансовых и иных рынков. Следовательно, можно ожидать, что начнут вырабатываться более жесткие правила и появляться какие-то договоренности или органы, ставящие интересы международных спекулянтов под контроль (в таком контроле всегда есть и плюсы, и минусы, но, похоже, сегодня плюсов все-таки будет больше). Говорят об этом довольно давно, но, возможно, в результате настоящего кризиса международных спекулянтов все же удастся обуздать.

¹⁶ Особенно множатся дубликаты уже истраченных, использованных денег. Например, заемные обязательства по уже выданным и истраченным кредитам могут закладываться, перезакладываться, страховаться, перестраховываться, вноситься в паи и т. д. и т. п. многократно, образуя, по сути, длинную цепочку ценностей, которые могут вдруг при неблагоприятных обстоятельствах приобрести отрицательный знак и «сгореть».

4. Кризис как следствие глобального разделения труда между странами

Возникает вопрос: почему внутренний кризис в США стал толчком к столь быстрому проявлению кризиса во всем мире? Ведь кризисы на периферии мира, как в Мексике в 1995 г., Восточной Азии в 1997–1998 гг., России (1998 г.), Бразилии (1999 г.), Аргентине (2000–2001 гг.), тяжело отразившись на экономике этих стран, не вызвали мирового кризиса, хотя и «в той или иной степени волна тревожных событий прокатилась по всему миру» (Кальвокоресси 2003: 88). Даже сдутие огромного «мыльного пузыря» интернет-компаний в 2001 г. в США не имело глобальных последствий. Почему теперь ситуация изменилась? Ответ в том, что, во-первых, с помощью различных ухищрений кризис слишком долго оттягивали, оттого и его последствия более сильны, чем могли бы быть раньше. Во-вторых, за прошедшие несколько лет современная мировая экономика, особенно ее финансовая и внешнеторговая составляющие, оказалась еще более тесно связанной, чем раньше. Так что неурядицы, начавшиеся в одном месте, начинают мгновенно отзываться в другом. В-третьих, в США все более и более концентрируются финансовые активы мира¹⁷. Таким образом, США стали крупнейшим финансовым, информационно-технологическим, валютным и т. п. центром мира. А если трясет в центре, отзывается везде¹⁸.

Кроме того, если в условиях периферийных кризисов МВФ, МБ и другие организации еще могли пытаться помогать кредитами, то помогать кредитами Америке, Германии, Франции, Великобритании могут только сами США, ЕС или национальные ЦБ.

¹⁷ Судите сами. Только у двух крупных ипотечных компаний, о которых сказано выше и которых от банкротства спасла национализация, было куплено 1,5 трлн долларов ценных бумаг иностранными резервными фондами: китайским, норвежским, российским и др. 75 млрд российских валютных резервов лежали на счетах «Fannie Mae» (Медведев Р., Медведев Ж. 2009).

¹⁸ Отметим, кстати, что такой мир-системный эффект проявлялся в мировых кризисах перепроизводства и раньше. Колебания конъюнктуры в Англии в первые две трети XIX в. очень сильно отзывались на ситуации в других странах (см. об этом: Мендельсон 1959). Недаром и К. Маркс говорил о Германии 40-х гг. XIX в., что ее экономика испытывает «в чужом пиру похмелье» в результате кризисного влияния английской промышленности.

Быстрое распространение кризиса связано и с глубоко зашедшим процессом экономической глобализации, в частности углубившимся процессом международного разделения труда, которое сегодня стало не только очень сильным, но во многом просто ущербным и крайне рискованным. Это сказывается на странах самого разного размера и экономической развитости. Но, может быть, особенно ярко – на небольших государствах. Целый ряд таких стран специализировался на деятельности, которая в случае кризисных явлений просто обваливается. В результате сначала происходит удивительный всем на зависть подъем, как, например, в Ирландии, Исландии и других странах, а затем их финансовые системы, игравшие роль полуофшоров и рискованных фондов, рушатся и делают заложниками других. Резко обваливаются и экономики малых стран, которые жили за счет туризма и прочих посреднических услуг, свидетельством чему – Эстония и другие страны Балтии. Восточная и Центральная Европа, сосредоточившие свои усилия на финансовых операциях (это у некоторых стран – давняя традиция) и/или положившиеся на то, что со вступлением в ЕС за них будут думать «старшие братья», оказались в эпицентре кризиса. Быстрый рост мировой торговли¹⁹, неразрывно связанный с мировой специализацией, в последние десятилетия вывел в лидеры ряд стран, включая и Китай. Очевидно, что падение объемов торговли крайне болезненно отразится на их экономических показателях.

Наконец, одна из самых главных форм современного разделения труда между странами состоит в том, что наиболее развитые страны, включая США, все более специализируются на аккумуляции мировых финансовых активов и производстве добавленной стоимости именно за счет использования различных финансовых институтов и инструментов. Фактически, как сказано выше, финансовый сектор превратился из сектора, связанного в основном с обращением, в сектор, обеспечивающий основной вектор развития экономики. В структуре валового внутреннего продукта (ВВП) доля финансового обслуживания за последние 15 лет увеличилась в Великобритании с 13,3 до 28,5 %, в США – с 17 до 25 %, в Германии – с 14 до 28 % (Медведев Ж., Медведев Р. 2009). В 2000 г. доля

¹⁹ В течение 1996–2006 гг. темп роста экспорта в мире почти в два раза превосходил темп роста ВВП мира (WTO 2007).

финансов, страхования и недвижимости в ВВП США была больше, чем доля обрабатывающей, добывающей промышленности и сельского хозяйства вместе взятых (рассчитано по: Тодд 2004: 83). При этом финансы и страхование росли в период с 1994 по 2000 г. в два раза быстрее обрабатывающей промышленности и в три с половиной раза быстрее, чем сельское хозяйство (см.: Там же)²⁰. Это привело к тому, что в ряде стран существенно изменилась сама структура экономики, кредитно-финансовый и страховой секторы стали расти в них намного более быстрыми темпами, чем остальные (включая и быстрый рост доли занятых в этих и смежных секторах в общей структуре занятого населения).

И в целом в мире темпы прироста прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в последние два десятилетия XX в. существенно превышали темпы прироста мировой торговли и совокупного ВВП мира: в 1980-е гг. превышали соответственно в 3 и 4 раза; в 1991–1996 гг. – в 2,3 и 2,7 раза (Ляменков 2000: 33). Но в последнее время укрепилась тенденция (хорошо заметная нам и по России) повышения роли портфельных инвестиций (то есть в виде покупки акций, облигаций, бондов и т. п.) в процессах международной миграции капиталов (соответственно вложения в непосредственные экономические объекты растут заметно ниже). Если в середине 1970-х гг. в структуре экспорта частного капитала стран ОЭСР облигационные займы составляли 10 %, то в середине 1990-х гг. – уже 40 % (Там же). Но колебания такого портфельного капитала, его приток или отток, могут фатально повлиять на экономическую ситуацию, поскольку он может «сбежать» в течение часов и дней, тогда как производственный инвестиционный капитал если и уходит из страны, то в течение месяцев или даже лет.

Таким образом, важно учитывать, что в ряде современных экономик (особенно в Великобритании и США) и в целом в мире финансовый сектор стал не просто частью обращения, но фактически в некоторых отношениях ведущей «производственной» отраслью экономики, поскольку именно здесь создавалась огромная доля добавочной стоимости²¹. Неудивительно, что именно данный сектор

²⁰ В 2005–2006 гг. финансы и страхование обеспечили примерно 1/6 всего роста ВВП в США. Нулевой рост этих секторов в 2007 г. (в связи с начавшимися кризисными явлениями) внес львиную долю в замедление темпов роста ВВП США (рассчитано по: Kim *et al.* 2008).

²¹ Конечно, финансовый сектор всегда играл важную роль в экономике, и от его состояния всегда зависело ее благополучие, а доходы от займов иностранным правительствам и ча-

начинает определять основные векторы развития²². Тем более, что в связи с ростом международного разделения труда и все более заметным процессом вывода предприятий реальной экономики в развивающиеся страны в США и других западных странах гипертрофированное место заняли такие сектора, как жилищное строительство и некоторые другие, теснейше зависимые от колебаний потребительского спроса населения, от кредитования, состояния финансовых институтов и требующие постоянного повышения уровня жизни населения. А это ведет к уменьшению доли накопления в западных экономиках (Кобяков, Хазин 2003; Ломакин 2005: 429–430), постоянному росту кредита, увеличению объемов внутреннего долга. В результате экономика развивается постоянно за счет заимствований у будущего, а это значит, что когда наступает кризис, долг приходится отдавать досрочно.

Пример организации экономики США и ряда стран Европы, равно как и нефтедобывающих и иных стран, начинает формировать определенную и во многом ущербную модель экономического развития для остальных стран, что усугубляет ситуацию и готовит условия для новых кризисов. Все это (вместе с ростом зависимости отдельных стран, в частности Восточной Азии, особенно Китая и Японии, от экспорта²³) создает совершенно непредсказуемое и не-

стным фирмам были важной статьей дохода буржуазии некоторых стран (Голландии, Англии, Франции) и в прежние периоды. Но все-таки, пожалуй, никогда рост кредитно-финансовой, страховой и т. п. сфер не занимал столь важного места в общем балансе ведущих западных стран и всего мира, как сейчас. А главное, что динамика этой значимости идет по нарастающей. И в этом принципиальное отличие сегодняшней экономической ситуации от того, что было перед Великой депрессией. Одним из главных приоритетов экономической политики Ф. Д. Рузвельта в его новом курсе был вывод американского сельского хозяйства из стагнации, в которое оно попало с начала 20-х гг. XX в. Эпоха процветания 20-х гг. XX в. не коснулась в основном сельского хозяйства. Оно начало подниматься только в 30-е гг. Будет ли такой ренессанс промышленности после завершения сегодняшнего кризиса?

²² В частности, то, что строительство и продажа домов стали в США и некоторых других странах важнейшим источником создания национального дохода. А то, что цены на недвижимость очень быстро росли, во многом объясняется именно ростом объемов ипотечного кредита и тем, что финансовый капитал устремился в данный сектор (что мы хорошо видели и в России).

²³ Структура экспорта стран Восточной Азии заметно отличается от структуры экспорта других развивающихся стран (Held *et al.* 1999), так как они имеют достаточно высокие внешние и внутренние инвестиции. Экспорт на мировых рынках для этих стран является самым важным условием для поддержания доходов, инвестиций и темпов роста (*Ibid.*). Но и

достаточно контролируемое влияние на возможности экономического роста в отдельных странах, на ценообразование в ряде очень важных секторов (нефтегазового, сырьевого, даже жилищного строительства, с которого, собственно, и начался кризис).

В последние два десятилетия произошли резкие изменения в мировой позиции США, связанной с движением прямых зарубежных инвестиций. Они не только увеличились в объемах, но и США стали импортером капитала (то есть иностранные инвестиции в США заметно превышают инвестиции США в другие страны). Пятую часть банковских активов США контролируют иностранцы (Ломакин 2005: 439). Еще более заметные изменения происходят в отношении ссудного капитала, так как правительство США выступает крупнейшим заемщиком, обязательства которого охотно покупают иностранцы. Всем также известно, как много долларов накоплено в мире, в том числе у многих национальных правительств. Значительная часть этих иностранных активов также размещена в финансовой системе США.

Особенность развития США связана не только с тем, что они имеют дополнительные преимущества за счет отсутствия нужды для внешнеторговой деятельности иметь чужую валюту и могут печатать доллары. Дело в том, что США, имея наиболее мощную экономику и наиболее мощную финансово-кредитную сферу, становятся магнитом для множества свободных капиталов и активов, желающих увеличиться. Как бы ни ругали США, для столь возросшей массы денег и их заменителей достаточных активов и форм вложения, куда могли бы переходить свободные средства других государств и негосударственных корпораций, просто нет. Куда могут двинуться триллионы нефтедолларов многих стран ОПЕК? В США и частично в Европу. Где хотят разместить свои облигации, бонды и т. п. корпорации различных стран? Там же. Деньги к деньгам... Этот старый принцип вполне работает и сегодня. В этом плане вовсе не удивительно, что Китай и другие страны вкладывают свой резерв в государственный долг США даже сейчас, в условиях кризиса. По разным причинам они считают, что иной альтернативы

для других стран экспорт играет очень важную роль в поддержании темпов роста, в частности в Индии рост внешней торговли заметно превышает рост ВВП (Ломакин 2005: 647).

нет, так как деньги должны работать, а обвал доллара им невыгоден. США имеют значительные доходы от размещения чужих активов и их обслуживания, их возможности для кредитования собственных резидентов увеличиваются, но здесь таится и большая опасность для них и других стран.

Кроме того, в мире пока нет другой валюты, которая могла бы играть роль мировой в столь большом объеме. Именно в этом кроется секрет устойчивости доллара, который уже во многом вышел из-под контроля правительства США и живет как бы своей жизнью. Но в этом, конечно, и большая опасность для самих Штатов, поскольку они не контролируют собственную валюту, за которую должны в принципе отвечать. Это увеличивает шаткость ситуации.

5. Современный кризис как кризис перепроизводства денег

Рост финансового сектора со всеми описанными выше технологиями и масштабами, как мне кажется, создает принципиально новую ситуацию в мире. В целом, кажется, можно констатировать переход к новой стадии постиндустриального (постмодернового) общества: от экономики, производящей услуги, к экономике, производящей деньги. И этот рост финансового сектора является одной из главных причин и характеристик современного глобального кризиса.

Вот почему одной из наиболее ярких и новых черт современного кризиса является, по моему мнению, перепроизводство денег.

Что это значит, будет легче понять, если вспомнить, что такое всем известные кризисы перепроизводства товаров. Стремясь к тому, чтобы улучшить или сохранить свое положение в конкурентной борьбе, желая увеличить свои обороты и доходы, производители постоянно наращивают выпуск привычных и новых товаров, развивают свои системы сбыта, в том числе и за счет менее надежных контрагентов, расширяют кредит и рекламу, всячески побуждая потребителей к увеличению покупок. В результате возможности расширения все сокращаются, а усилия и затраты производителей увеличиваются (так как повышенный спрос на те или иные ресурсы ведет к спекулятивному росту цен на них). Производители втягиваются в создание новых производств и проектов, берут кредиты, делают долгосрочные инвестиции и т. п., что создает дополни-

тельное напряжение и повышение издержек (арендных, кредитных, ценовых). Наконец, под влиянием тех или иных негативных событий, например сокращения возможностей потребителей, рынок проседает, спрос начинает сокращаться. Поскольку товарные запасы большие, возникает длинная цепочка сокращения производства, одновременно ухудшаются возможности получить кредит. Начинается спад во многих отраслях. Все это в современных условиях крайне усугубляется тем, что огромная часть товаров не только производится за счет привлечения кредита, но и продается в кредит, ухудшение условий которого или возможностей его отдачи (что теснейше связано с уровнем доходов) сразу же ведет к сжатию спроса.

Итак, товары не находят своих покупателей. Однако важно заметить, что такое перепроизводство вовсе не является абсолютным, оно происходит только *при данных условиях и ценах*. Общеизвестны факты времен Великой депрессии, когда производители вынуждены были уничтожать продовольствие, сжигать зерно, выливать молоко и т. п., в то время как множество людей недоедало (см. подробнее об этом: Неру 1977: 320–321)²⁴. Правительство премировало фермеров, сокращавших посевы и поголовье, и в то же время выплачивало пособие безработным. Сегодня, когда говорят о кризисе сбыта автомобилей, всем ясно, что желающих иметь эти вроде бы лишние автомобили более чем достаточно. Проблема заключается в том, что происходит сбой в сложнейшем хозяйственном организме в рамках государства или даже всего мира. Требуется длительное время на приведение этой ситуации в соответствие²⁵.

Но что такое перепроизводство денег? Прежде всего под деньгами я имею в виду не только собственно деньги, но самые разные активы, ценные бумаги, свидетельства, платежные средства, символы ценностей, обмена, суррогаты денег, сертификаты собственности и т. п., словом, все, что обращается в сфере кредита, финансов, банковской, валютной, страховой и т. п. областях. Число, виды и объемы таких активов, как мы видели выше, постоянно растут, а способы их обеспечения постоянно отдаляются от реальных ценно-

²⁴ По данным, приводимым Дж. Неру, с июня 1931 г. по февраль 1933 г. в Бразилии было уничтожено свыше 14 млн мешков кофе (Неру 1977: 320).

²⁵ В период Великой депрессии в связи с дефляцией и падением спроса даже в передовой Америке возникли сотни товарообменных организаций, которые помогали производителям обмениваться путем бартера без денег (Там же: 321).

стей. К этому добавляется огромный пласт эмитируемых денег, кредитов и займов многих государств, которые создают огромную питательную среду для роста денежного производства.

Итак, денежные и их многократно дублирующие активы образуют огромный сектор, который должен производить деньги, доход. Сами по себе все эти активы лежать не могут, ведь они взяты у кого-то (кто должен получить на них свою долю прибыли) в кредит, в рост, во временное пользование и т. п. Даже их хранение, обслуживание, страхование требует больших затрат. Каждый день их бездействия – это огромные потери, если учесть, что крутятся многие триллионы долларов и евро. Чем больше таких активов, тем важнее их вложить в правильное место, заставить приносить прибыль. Подобно тому, что происходит при продаже товаров, происходит и при «продаже» денег: их продавцы конкурируют за наиболее выгодных клиентов, они ищут все новые технологии продвижения своих продуктов, они начинают буквально навязывать деньги. Когда вам звонят по телефону из банка и предлагают активировать кредитную карту или взять кредит, это и свидетельствует о перепроизводстве денег. Кредиторы-продавцы денег начинают конкурировать за возможности их вложения, они начинают иметь дело со все более ненадежными покупателями. При современных финансовых технологиях, при почти мгновенном перемещении гигантских капиталов в разных концах мира возникают такие движения, которые способны создать колоссальные изменения. Огромный избыток свободных, но жадных к получению высокой прибыли активов устремляется в те отрасли, которые кажутся наиболее доходными, включая сырье, недвижимость, строительство домов, акции и т. п.

Все приходит в движение: доля накопления уменьшается, доля заимствования у будущего растет. Перепроизводство денег достигает максимума. Наконец, наступает фаза, когда рост продажи денег приостанавливается. И тогда сильно усложненную систему начинает трясти. В результате подобно тому, как при переизбытке товаров они так или иначе уничтожаются (путем переоценки, списания, дешевых распродаж, морального устаревания или физического

уничтожения, чтобы освободить склады), начинают уничтожаться перепроизведенные финансовые ценности²⁶.

Однако крайне важно, что это вовсе не значит, что нет желающих их иметь. Напротив, как совмещаются голодающие и вылитое в реку молоко, так совмещаются и уничтожение активов и страшный голод на них. Тут стоит отметить, что на перепроизводство денег редко указывают, а если и говорят об этом, то речь идет о перепроизводстве плохих заменителей денег (см., например: Маслинин 2009). Но дело, как мы видели, не только, а иногда не столько, в том, что качество таких товаров часто оставляет желать лучшего. Главное, что создается гигантское количество денежных товаров именно на продажу. И при этом это могут быть очень хорошие товары, в принципе перспективные акции или льготная стопроцентная ипотека (то есть без первоначального взноса, куда уж лучше). Но даже эти хорошие товары при общем переизбытке денежных товаров не находят сбыта. Происходят их затоваривание и гибель, поскольку денежные товары весьма специфичны – их стоимость зависит от психологической оценки, которая подвержена быстрым изменениям.

Исследователями кризисов уже давно замечено, что рост различных активов и эмиссия ценных бумаг, разбухание рынка капиталов, стремящихся к более выгодному вложению, а вместе с этим активность кредита и его доступность часто сопровождают фазу роста (процветания) рыночной индустриальной экономики (см., например: Трахтенберг 1963)²⁷. Однако переизбыток биржевого, кредитного и прочего финансового капитала в настоящее время, на мой взгляд, имеет существенное и даже качественное отличие от того, что наблюдалось раньше. Во-первых, конечно, сегодняшние астрономические масштабы превосходят всякое вообра-

²⁶ Объемы такого уничтожения огромны. О них можно судить, например, по прогнозам сокращения стоимости активов в мире. В частности, глава Центробанка Новой Зеландии Боллард считает, что общее обесценивание ценных бумаг за 2008 и 2009 гг. составит около 30 трлн долларов, удешевление жилья оценивается в 4 трлн, падение производства – в 3 трлн, а невозвратные займы – в 2 трлн долларов (Егишянц 2009).

²⁷ Например, всего за два года перед кризисом 1825 г. в Англии было создано 600–700 обществ с общим капиталом в 300–350 млн ф. ст., что было в 50 раз больше, чем весь золотой запас Английского банка, который составлял всего 14 млн ф. ст. (Мендельсон 1959, т. 1: 330, 332).

жение. Во-вторых, изменились макроэкономическая ситуация и роль этого капитала. Если раньше он играл все же больше косвенную роль в перепроизводстве товаров, то теперь все большая часть ВВП и добавленной стоимости создается прямо в финансовом секторе (как мы видели выше). То есть деньги прямо порождают деньги, а сам продукт, товар, который продается, является по сути особой денежно-знаковой формой, которая превращается со все большим ускорением в прямую денежную форму. Иными словами, товар (Т) в знаменитой формуле Д–Т–Д' превращается из товара (Т) в деньги-товар (акцию, кредит, сертификат, вклад, дериватив и т. п.), который можно было бы обозначить как деньги-товар (Д_т). В результате вся формула получения прибыли модифицируется в следующем виде: Д–Д_т–Д'. И это не просто замена одного члена. Само получение прибыли в финансовом секторе идет по другим законам – законам обращения, спекуляции, в то время как процесс имеет черты именно массового производства, однако производства денег в виде особого рода товаров. В целом это небывалая ситуация, которая требует специального исследования. В-третьих, в такой ситуации происходит симбиоз явлений, характерных для индустриального и финансового кризиса и типа деятельности, что одновременно делает сегодняшний кризис и во многом похожим на предыдущие, и очень своеобразным. В частности, производство денег в финансовом секторе стремится к тому, чтобы использовать технологии, по типу похожие на индустриальные, которые все время обновляются, морально устаревают (подобно технике), активно разрабатываются, патентуются и заимствуются. Но в то же время уровень доходности от этих технологий требуется как от высокорисковых спекулятивных инструментов. Отсюда гигантские колебания капитала, фантастические колебания цен на сырье, мощнейшие программы кредитования и поддержки потребительского сектора.

Современная динамика мира, необъятная во всем своем многообразии, тем не менее, позволяет выделить контуры общечеловеческих тенденций развития и сформулировать в общем виде некие парадигмы этого развития. Экономические контуры поля действия новых технологий (в том числе и финансовых) уже более или менее оформились в результате процессов экономической глобализации. Но иные направления и приемлемые для большинства стран формы глобализации пока сильно запаздывают. И в целом возникают

большие противоречия между старыми представлениями о целях и ценностях и новыми реалиями, между прежними формами регулирования и новыми технологическими возможностями. Все это и выражается, условно говоря, в важнейшем **противоречии современной эпохи**. Я сформулировал его как *противоречие между тягой к мировой и региональной интеграции и национальным эгоизмом, между общепланетарными судьбами человечества и корпоративно-национальной ограниченностью* (см., например: Гринин 2006: 180–181; 2007а: 150). Ведь экономика все больше становится мировой, а использование ресурсов, законы и нормы, принятие решений остаются во многом частно-корпоративными, партийными или в лучшем случае национально-корпоративными. Прежние приоритеты и прежние основы мирового экономического порядка, опирающиеся на выгодные США основания (включающие господство доллара, преобладание США в важнейших мировых экономических и финансовых институтах), подвергаются все большей критике и все большему сомнению, а значит, рано или поздно они начнут трансформироваться в новый порядок. Такая трансформация и составит в ближайшем будущем коллизии взаимоотношений между национальными интересами США, с одной стороны, и общемировыми, а равно между групповыми и национальными, интересами различных стран – с другой.

Литература

- Аникин, А. В.** 1963. Предисловие. В: Трахтенберг 1963.
- Аникин, А. В., Быков, О. Н., Шапиро, А. И. (отв. ред.)** 1982. *Соединенные Штаты Америки*. М.: Мысль.
- Бобровников, А. В., Теперман, В. А., Шереметьев, И. К.** 2002. *Латиноамериканский опыт модернизации: итоги экономических реформ первого поколения*. М.: ИЛА РАН.
- Бродель, Ф.** 1986. *Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв.*: в 3 т. Т. 2.
- Ван дер Вее, Г.** 1994. *История мировой экономики 1945–1990*. М.: Наука.
- Гречихин, А. А.** 1980. Экономические кризисы. В: Румянцев, А. М. (ред.), *Экономическая энциклопедия. Политическая экономия*: в 4 т. Т. 4 (с. 499–505). М.: Советская энциклопедия.
- Гринин, Л. Е.**

2006. *Производительные силы и исторический процесс*. М.: КомКнига.
- 2007а. *Политический срез исторического процесса*. М.: КомКнига/URSS.
- 2007б. Производственные революции и периодизация истории. *Вестник Российской академии наук*. Т. 77 (4): 309–315.
- 2008а. Глобализация и процессы трансформации национального суверенитета. *Век глобализации* 1: 86–97.
- 2008б. Нежеланное дитя глобализации. Заметки о кризисе. *Век глобализации* 2: 46–53.
- Далин, С. А.** 1983. *Инфляция в эпохи социальных революций*. М.: Наука.
- Доронин, И. Г.** 2003. Мировые фондовые рынки. В: Королев, И. С. (ред.), *Мировая экономика: глобальные тенденции за 100 лет*. М.: Экономистъ.
- Егишиянц, С.** 2009. *Обзор мировых рынков за 22–28 февраля 2009 г. По Екклесиасту*. Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://worldcrisis.ru/crisis/595475>. Дата доступа: 01.03.09.
- Кальвокоресси, П.** 2003. *Мировая политика*: в 2 кн. Кн. 2. М.: Международные отношения.
- Капра, Ф.** 2004. *Скрытые связи*. М.: София.
- Кобяков, А. Б., Хазин, М. Л.** 2003. *Закат империи доллара и конец «Рах Americana»*. М.: Вече.
- Лаврентьев, С.** 2008. Хедж-фонды теряют клиентов. *РБК daily*. 17 ноября. Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.stockportal.ru/main/invest/world/articles/hf>
- Ломакин, В. К.** 2005. *Мировая экономика*. 2-е изд. М.: Юнити.
- Ляменков, А. К.** 2000. Международное движение капитала и участие России в этом процессе. В: Осьмова, М. Н. (ред.), *Роль государства в экономике: мировой опыт* (с. 32–47). М.: Теис.
- Мазурова, Е. К.** 2000. Изменения в механизме наднационального регулирования международной кредитно-финансовой системы. В: Осьмова, М. Н. (ред.), *Роль государства в экономике: мировой опыт* (с. 23–32). М.: Теис.
- Маслинин, В.** 2009. *Размышления о финансовом кризисе*. Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://mbpolyakov.livejournal.com/156530.html>
- Медведев, Р. А., Медведев, Ж. А.** 2009. *Глобальный экономический кризис может перейти в депрессию*. Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://news2000.org.ua/print?a=%2Fa%2F61162%3Fp%3D2>
- Мендельсон, Л. А.** 1959. *Теория и история экономических кризисов и циклов*: в 3 т. М.: Изд-во социально-экономической лит-ры.

Неру, Дж. 1977. *Взгляд на всемирную историю*: в 3 т. Т. 2 / пер. с англ. М.: Прогресс.

Портной, М. А. 2008. Финансовый кризис в США: причины, масштабы, последствия. *США-Канада: экономика, политика, культура* 12: 4–18.

Тодд, Э. 2004. *После империи. Pax Americana – начало конца*. М.: Международные отношения.

Трахтенберг, И. А. 1963. *Денежные кризисы (1821–1938)*. М.: Изд-во АН СССР.

Травин, Д., Маргания, О. 2004. *Европейская модернизация*: в 2 т. Т. 2. М.: АСТ.

Ханин, Г. И. 1975. Кризис финансовый. В: Румянцев, А. М. (ред.), *Экономическая энциклопедия. Политическая экономия*: в 4 т. Т. 2 (с. 311–312). М.: Советская энциклопедия.

Хедж-фонды: кошмар нашего времени или нормальные инвесторы? 2007. Интернет-ресурс. Режим доступа: http://www.stockportal.ru/main/invest/world/articles/hedge_funds. Дата доступа: 08.05.07.

Чистозвонов, А. Н. 1993. Нидерланды. *История Европы*. Т. 3. М.: Наука.

Grinin, L. E. 2007. Production Revolutions and Periodization of History: A Comparative and Theoretic-mathematical Approach. *Social Evolution & History* 6(2): 11–55.

Held, D., McGrew, A., Goldblatt, D., Perraton, J. 1999. *Global Transformations. Politics, Economics and Culture*. Stanford, CA: Stanford University Press.

Kim, S. J., Davis, V. A., Jacobson, A. M., and Lyndaker, A. S. 2008. *Annual Industry Accounts Revised Statistics for 2005–2007*. Интернет-ресурс. Режим доступа: http://www.bea.gov/scb/pdf/2008/12%20December/1208_indyaccts.pdf

WTO. 2007. *World Trade Report 2007*. Geneva: World Trade Organization.